

Филошкин А. И.

Когда и зачем стали ставить памятники историческим персонажам Древней Руси?¹

Память о прошлом для своего сохранения и воспроизведения должна иметь символическое воплощение в материальных символах. Одной из форм ее фиксации (помимо нарративов, визуального и звукового ряда) является монументальная скульптура. Ответ на вопрос: «Кому ставят памятники?» содержит характеристики принятой в данном обществе мемориальной культуры². Учитывая, что, как правило, памятники редко ставят без участия властей, «монументальная политика» тесно связана с пропагандой, официальной исторической политикой.

В настоящей статье мы предлагаем рассмотреть, каким образом в монументах и памятниках на пространстве Восточной Европы – бывших землях Киевской Руси – люди и власти в разные времена отдавали дань памяти своей начальной истории, ее древнерусскому периоду. Рабочей гипотезой, которую мы будем доказывать, служит тезис, что в новое время (имперский период истории Восточной Европы) «монументальная политика» в большей степени опиралась не на древние, а на актуальные, недавние события с шагом в 100–200 лет.

В России это было в первую очередь связано с водоразделом русской истории, установленным Смутой и воцарением династии Романовых в 1613 г. Если бы династия была более древней, возможно, ее представители больше интересовались бы средневековым прошлым. Но обращение к нему было сугубо эпизодическим и фрагментарным.

Средневековые сюжеты становятся востребованными по мере развития процессов, которые мы бы сегодня назвали «конструированием нации» (поиск отцов-основателей, национальных героев, моментов национального торжества и т.д.). То есть средневековье как бы «мобилизуется» для актуализации идеалов современности. Оно было мало востребовано в имперскую эпоху через принципы имперской и русской национальной идеологии и несколько больше – в советскую, через идеи народных героев, народной культуры и обороны Отечества.

Зато настоящий «медиевистический бум» произошел при распаде СССР и в постсоветскую эпоху. Начиная с 1990-х гг., постсоветское пространство оказалось буквально усеяно памятниками историческим персонажам и событиям русской истории IX – началу XVII вв. Смута и тут оказалась водоразделом, и XVII век слабо проявился в «мемориальной политике» в России и Белоруссии, хотя применительно к казацкой истории был чрезвычайно актуализирован на Украине. Памятников средневековью было в Восточной Европе за последние 20 лет поставлено больше, чем за всю предыдущую историю.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект: «“Мобилизованное средневековье”»: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в новое и новейшее время», № 16-18-10080.

² Подробнее см.: Волков М. М. Система объектов монументальной пропаганды в структуре исторического города. Дисс.... кандидата архитектуры. М., 1985.

Чем можно объяснить этот феномен? Почему памятники русскому средневековью ставят именно наши современники? Вокруг них идут споры, порой вспыхивают «войны памятников». Значит, этот вопрос чрезвычайно волнует общество? Прежде чем предложить ответ на данный вопрос, приведем краткий очерк создания памятников персонажам древнерусской истории.

* * *

Русская православная мемориальная культура была основана на почитании могил (в т.ч. и легендарных – Аскольдова могила, Олегова могила и т.д.), храмов-памятников и памятных крестов³. Вплоть до петровской инъекции в Россию западной скульптуры с монументальной скульптурой были знакомы слабо. Есть странное свидетельство, якобы Иоанн Давид Вундерер, посетивший Псков в 1590 г., видел под городом целый ряд монументальных памятников. Во-первых, это монумент Ивану III с патетической надписью в древнеримском стиле, и, кроме того, множество трех- и четырехугольных пирамид, высотой от 10 до 20 локтей, с надписями свинцовыми и медными буквами. Путешественнику рассказали, что это памятники на могилах воинов, убитых в сражениях (А.Ф.: почему не кресты?!). Сами надписи изобличают явную выдумку путешественника, поскольку выполнены явно в европейском стиле, например: «Я, Скамай, сражаясь за Отечество, умертвил 31 неприятеля, и, наконец, Ролволном шведом убитый, здесь почиваю», или: «Гроза притеснителей и защитник угнетенных, богатый ранами и летами, опоясанный мечом, здесь лежит Шитак», «Пусть другие стяжали славу военными подвигами, а я, Палицкий, забота о мире, заслужил бессмертную славу»⁴. Все это описание очень похоже на выдумку, апокриф – разобрался ли Вундерер с тем, что увидел, все ли правильно понял? Достоверные сведения о памятных знаках допетровской эпохи относятся к концу не XVI, а XVII в. Первым гражданским памятником в России считается некий «столп», поставленный стрельцами в 1682 г. на Красной площади в честь своей победы⁵.

Но когда же в России появляются памятники древним событиям ее истории? Впервые эту идею высказало в 1803 г. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств, которое призвало открыть подписку на создание памятника спасителям России в Смутное время К. Минину и Д. Пожарскому. В 1808 г. на конкурсе проектов памятника победил И. Мартос. После Отечественной войны 1812 г. идея патриотического памятника, воспевающего героев русской истории, освободителей от иностранной интервенции, изгнавшим оккупантов из Москвы, приобрела особую актуальность и поддержку. Она была воплощена в знаменитом памятнике Мартоса «Гражданину Минину и князю Пожарскому – благодарная Россия» (1818), где деятели XVII в. были изображены в виде античных героев⁶.

³ Коровин В. В., Золотухин А. Ю. Об особенностях монументальной пропаганды военной истории России в XV – первой трети XX в. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 1-2. С. 193-198.

⁴ Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864. Ч. 1. С. 238.

⁵ Лаврентьев А. В. Московское "столпотворение" конца XVII века // Архив русской истории. Вып. 2. 1992. С. 131-143.

⁶ Историческое описание монумента, воздвигнутого гражданину Минину и князю Пожарскому в столичном городе Москве. СПб., 1818.

Когда и зачем стали ставить памятники персонажам Древней Руси?

На тот момент это был единственный памятник русской допетровской истории в Российской империи. Его постройка необычайно воодушевила русское общество. В 1811 г. архимандрит Зилантова монастыря Амвросий (Сретенский) решил создать памятник в виде «столпа» у братской могилы воинов, павших при взятии Казани Иваном Грозным в 1552 г. В 1813 г. по проекту Н. Ф. Алферова началось сооружение храма-памятника «в египетском стиле». Оно затянулось, и в 1818-1823 гг. памятник достраивал уже губернский архитектор А. К. Шмидт⁷. Но, строго говоря, памятник в Казани – все-таки храм-памятник, а не светский монумент. Хотя задачи он решал те же самые: маркировал имперское пространство, символизировал героические подвиги русских в своей древней истории.

В 1820 г. тульское дворянство обратилось к уже зарекомендовавшему себя скульптору А. Мартосу с просьбой сделать памятник Дмитрию Донскому для установки на Куликовом поле. Проект получился впечатляющим: князь Дмитрий рубится с татарами, причем один уже повержен, а второй клонится под саблей князя. Пьедесталом должна была служить проезжая арка, увешанная трофеями. Но на реализацию проекта не нашлось средств. В дело вмешались власти. 27 августа 1824 г. был издан высочайший указ об открытии подписки пожертвований на сооружение памятника Дмитрию Ивановичу Донскому на Куликовом поле в ознаменование победы, одержанной над татарами в 1380 г. «Памятник сей предназначалось тогда соорудить из гранита с бронзовою вызолоченною надписью». Возле памятника планировалось учредить «мирную обитель для изувеченных воинов и возвести при сем здании церковь во имя Св. Чудотворца Сергия». К 1835 г. было собрано 540 тыс. руб. 2 февраля 1835 г. в Академию Художеств было дано распоряжение: составить проекты обелиска и обители при нем⁸.

Академики откликнулись на проект без энтузиазма, отговаривались занятостью. 3 февраля 1836 г. был одобрен проект профессора А. П. Брюллова, «но с тем, чтобы колонны купола были поставлены отвесно, а комнатам жилья увечных воинов дан был другой фасад». В конкурсе также участвовали проекты Константина Тона, Александра Тона и Христиана Мейера. Смету на сооружение предполагалось передать в Департамент военных поселений, который и должен был построить памятник. Смету просили составить Брюллова, но он запросил сведения о местных материалах – из чего строят в этой местности и т.д. Из-за этого процесс опять затормозился. Проект был упрощен. В итоге памятник в виде трехъярусной колонны отлили в Петербурге на заводе Берда, в 1849 г. санным ходом доставили на Куликово поле и 8 сентября 1850 г. торжественно открыли.

Следующим стал памятник в Киеве Владимиру Крестителю. В 1843 году ректор Академии художеств В. И. Демут-Малиновский подал на высочайшее рассмотрение «Проект на сооружение в городе Киеве на высшей крутости угла Александровской горы, над самым тем местом, где совершилось крещение русского народа, памятника Св. Равноапостольному Князю Владимиру». Император Николай идею одобрил⁹, но она вызвала протест церкви – нельзя в память о святом Крещении ставить идола. Владимир топил идолов в Днепре, а теперь ему

⁷ *Гавриил, архим.* Историческое описание памятника, сооруженного в воспоминание убиенных при взятии Казани воинов на Зилантовой горе с рисунками. Казань, 1833.

⁸ О составлении проектов памятника Дмитрию Донскому на Куликовом поле // РГИА. Ф. 472 (Канцелярия Министерства императорского двора). Оп. 13. Д. 992. Л. 1-30.

⁹ О монументальной политике Николая I см.: *Высочков Л. В.* Монументальная пропаганда при императоре Николае I // Мавродинские Чтения. СПб., 2002. С. 162-167.

ставится такой же языческий истукан! В создании памятника принимал участие А. Тон. В 1853 г. он был открыт, и стал (вместе с Владимирской горкой) одним из символов нового Киева. Крест на памятнике сделали с подсветкой, и он играл роль маяка для лодок на Днепре. В 1888 г. памятник стал центром коммемораций, посвященных 900-летию Крещения Руси¹⁰.

В императорский период высшим проявлением презентации памяти о средневековом прошлом России стал памятник «Тысячелетие России» по проекту М. О. Микешина, И. Н. Шредера и В. А. Гартмана, торжественно открытый в Великом Новгороде 8 сентября 1862 г. Конкурс был объявлен по инициативе МВД в 1857 г., в нем участвовало 52 проекта¹¹. В памятнике воплотился целый ряд новых идей: он был установлен не в одной из столиц, воплощавших официальное деление на периоды русской истории (Киев, Москва, Петербург), а в Великом Новгороде. Впервые столько внимания в монументальной скульптуре было уделено доромановскому времени: призыванию варягов, Крещению Руси, борьбе с татарами и свержению ига, истории самодержавного Русского царства. Это говорило о развитии национального самосознания — историческая политика формировала идею «старой, долго живущей русской нации». Раньше такие идеи в коммеморациях не воплощались. Собственно, и во второй половине XIX в. будет только несколько случаев — открытие памятника 1000-летию России, празднование 900-летия Крещения Руси, торжества в честь 500-летия Куликовской битвы и т.д.

Культурный заказ отражался и на местных инициативах. Например, на территории орденской мызы Мяо (в 40 км от Пайды) был холм, в котором по преданию было похоронено 3000 русских, павших при штурме Пайды в 1573 г. Цифра явно преувеличена, да и в XVI в. православные не хоронили своих в курганах. В конце XIX в. эта земля принадлежала барону Штакельбергу. В 1886 г., в связи с посещением великим князем Владимиром Александровичем соседнего имения графа Толя Арукюла (Аррокюль), на холме был поставлен четырехгранный пятиметровый обелиск. На постаменте выбиты две даты — 1573 и 1886 годы.

8 сентября 1881 г. в Пскове прошли торжества в честь 300-летия обороны города от польских войск Стефана Батория в 1581 г. На бастионе петровских времен были устроены из зелени и цветов триумфальные ворота с датами: «1581–1881». Рядом с грудой каменных ядер был поставлен деревянный крест. Затем насыпь бастиона в местной краеведческой литературе потихоньку превратилась в братскую могилу защитников Пскова. Крест было решено заменить каменным памятником, но из-за финансовых проблем его поставили только в 1897 г.¹²

Традиция воинских мемориалов была продолжена проектом архитектора А. В. Щусева возвести на Куликовом поле храм-памятник Сергию Радонежскому. Идею высказало тульское духовенство. Храм строился в 1913–1917 гг., развитию этого мемориала помешала революция. В 1909 г. в Москве был поставлен памятник первопечатнику Ивану Федорову, а в 1910 г. в Плесе — основателю города великому князю Василию I.

¹⁰ О праздновании 900-летнего юбилея Крещения Руси // РГИА. Ф. 473 (Церемониальная часть МИДв). Оп. 2. Д. 47. Л. 5.

¹¹ Смирнов В. Г. Россия в бронзе: Памятник Тысячелетию России и его герои. Новгород, 1993.

¹² Подробнее см.: Левин Н. Ф. В память о героической обороне // Псков — город воинской славы : статьи и документы. Псков, 2010. С. 268–280.

Когда и зачем стали ставить памятники персонажам Древней Руси?

В советское время политика несколько меняется. 12 апреля 1918 г. вышел знаменитый декрет «О памятниках», по которому «Памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера». Вместо этого необходимо «...мобилизовать художественные силы и организовать широкий конкурс по выработке проектов памятников, долженствующих ознаменовать великие дни Российской социалистической революции»¹³. Именно тогда возникает официальный термин «монументальная пропаганда»¹⁴. Первоначальный список планируемых памятников содержал в основном имена революционеров и борцов с режимом, начиная с Древнего Рима (туда попали Спартак и Тиберий Гракх). Если появление в списке имени Степана Разина было логичным¹⁵, то вот как там оказался иконописец Андрей Рублев, причем – вообще единственный персонаж из доромановской Руси¹⁶, понять сложно. Правда, памятник ему так и не поставили, зато на Красной площади в 1919 г. около Лобного места возвели скульптурную композицию «Степан Тимофеевич Разин с ватагой» (скульптор С. Т. Коненков).

Рост интереса к постановке памятников героям древнерусского периода начинается после Великой Отечественной войны. Она показала необходимость обращения к патриотическим идеалам прошлого. Происходило развитие локальных идентичностей, краеведения как элемента воспитания молодежи и развития общества. Первым большим послевоенным праздником в СССР стало отмечание 800-летия Москвы в 1947 г. В 1946 г. был проведен конкурс проектов памятника основателю Москвы Юрию Долгорукому, 6 сентября 1947 г. во время юбилейных торжеств памятник был заложен на месте бывшего Монумента советской конституции и статуи Свободы (1918-1941). До революции на этом месте стоял конный памятник генералу М. Д. Скобелеву (1912-1918), уничтоженный Советской властью. Конный монумент Юрию Долгорукому работы скульптора С. М. Орлова был открыт в 1954 г. Есть легенда, что когда при открытии памятника сняли покрывало, из толпы одновременно прозвучало две реплики: «До чего ж похож!» и «Не похож!»¹⁷. Коммунистическими идеологами памятник был воспринят плохо: они видели в нем отступление от ленинского плана мемориальной пропаганды, и указывали, что князю не место на Советской площади. Были планы перенести памятник к Новодевичьему монастырю, но они не воплотились в жизнь.

Примечательно, что авторы проектов памятника воспроизводили не исторические, а художественные образы. Князь был изображен в виде былинного богатыря (как шутили современники – прямо с картины Васнецова). Очень необычен был неутвержденный вариант В. И. Мухиной (автора знаменитой скульптуры «Рабочий и колхозница»): Юрия Долгорукого предполагалось изоб-

¹³ Декреты Советской власти. Том II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 95.

¹⁴ *Луначарский А. В.* Воспоминания и впечатления / Сост., предисл. и примеч. Н.А. Трифонова. М., 1968. С. 198. См. также: *Шалаева Л. В.* План советской монументальной пропаганды: проблемы реализации. 1918-1921 гг. // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2014. № 8 (337). С. 30-35.

¹⁵ *Мягченкова А.В.* Образ Степана Разина как культурный символ монументальной пропаганды Советского государства // *Вестник гуманитарного научного образования.* 2013. № 4 (30). С. 26-29.

¹⁶ *Луначарский А. В.* Воспоминания и впечатления... С. 368.

¹⁷ *Митрофанов А.* Прогулки по старой Москве. Тверская. М., 2006.

разить в «сусальном» стиле, в пышной древнерусской княжеской одежде с золотой вышивкой. Причем монумент должен быть цветным, покрытым эмалями.

Память об Александре Невском и его борьбе с иностранными захватчиками оказалась востребована в дни празднования 250-летия Ленинграда, в 1953 г. Ветеранские организации города решили поставить памятник в честь Невской битвы (1240 г.). Гранитную стелу установили на правом берегу Ижоры, напротив развалин церкви. На ней написано: «Здесь 15 июля 1240 г. произошла битва, в которой русское воинство Александра Невского наголову разбило превосходящие силы врага, вторгшегося на территорию нашей Родины. Установлено в связи с 250-летием Ленинграда от военной общественности города». Памятник напоминает воинское захоронение-мемориал в строгом стиле 1950-х гг. Символическое рифмование с Великой Отечественной войной очевидно. В 1958 г. на родине Александра Невского в Переяславле Залесском был поставлен бюст Александра Невского работы скульптора С. М. Орлова. Здесь интересно, что изображение было похоже на лицо актера Н. Черкасова, который сыграл князя в известном фильме С. Эйзенштейна в 1938 г.

Во всех этих случаях мы видим, что происходит обращение к средневековым сюжетам, но они востребованы современной культурой и воспроизводятся с помощью культурных символов актуальной, современной культуры.

В последующие годы существования СССР продолжали ставиться памятники основателям городов (Юрию Долгорукому в Переяславле Залесском в 1963 г., памятник основателям Киева, Кию, Щеку Хориву и Лыбеди в 1982 г. и др.). На 30 лет растянулась история установки памятника Ледовому Побоищу – вопрос о необходимости его возведения был вынесен на обсуждение в 1963 г., а сам памятник поставлен под Псковом на г. Соколихе только в 1993 г. К 600-летию Куликовской битвы (1980 г.) скульптор О. К. Комов создал и передал музею скульптуру Дмитрия Донского. В этих случаях соблюдались традиции воинских и исторических мемориалов. В 1985 г. был реализован проект еще первых лет советской власти – перед музеем иконописи в Москве в Андронниковом монастыре поставили памятник Андрею Рублеву.

Настоящий бум установок памятников средневековым персонажам начался в 1990-2000-е гг. Причем это распространилось также на получившие независимость бывшие советские республики, которые стали срочно обзаводиться «своим средневековьем». Чтобы не перечислять все памятники, попробуем объединить основные сведения о них в таблицу:

Таблица 1. Памятники героям средневековой истории в Восточной Европе, установленные в 1990-2000-е гг.

<i>Исторический персонаж</i>	<i>Россия</i>	<i>Украина</i>	<i>Белоруссия</i>	<i>Литва</i>
Кирилл и Мефодий	Москва Мурманск Ханты-Мансийск Сыктывкар Брянск Коломна Дмитров	Киев (2) Мукачево Одесса Свалява Днепропетровск	Минск	

Когда и зачем стали ставить памятники персонажам Древней Руси?

	Владивосток Черкесск Становое (Липецкая обл.) Кронштадт Курск Смоленск Самара Саратов Екатеринбург Белгород Тверь Астрахань Севастополь Йошкар-Ола Саранск			
Основатели Киева (Кий, Щек, Хорив и Лыбедь)		Киев (2)		
Рюрик	Старая Ладога			
Олег	Старая Ладога	Переяславль-Хмельницкий Любеч		
Игорь		Любеч с. Немировка (под Коростенью)		
Ольга	Владимир Москва Псков (2)	Киев (3) Коростень Святогорск Ивано-Франковск		
Святослав	с. Холки Белгородской области Серпухов	Запорожье Киев (2) с. Старые Петровцы Киевской области Мариуполь		
Владимир	Белгород Владимир (2) Москва (2) Новочебоксарск Санкт-Петербург Тула Севастополь Херсонес Астрахань	Киев Ивано-Франковск Любеч Коростень Белгородка		

	Батайск Смоленск Калининград (планируется)			
Рогнеда			Заславль	
Изяслав Владимирович			Заславль	
Илья Муромец	Муром Екатеринбург Ижевск Владивосток	Харьков Чернигов		
Ярослав Мудрый	Ярославль	Киев (2) Белая Церковь Харьков Владимир-Вольинский Полтава		
Феодосий Печерский	Курск (проект)	Киев (вместе с Антонием)		
Певец Боян	Брянск	Новгород-Северский Село Балыко-Щучинка, Киевская область Трубчевск Черкаскы		
Всеслав Брячиславич			Полоцк	
Борис Всеславич			Борисов	
Владимир Мономах		Прилуки Черниговской обл. Любеч		
Игорь Святославич Новгород-Северский		Новгород-Северский Луганск		
Ярославна		Новгород-Северский		
Ефросинья Полоцкая			Минск Полоцк	
Автор «Слова о полку Игореве»	хутор Погорелов Ростовская обл.	Переяславль-Хмельницкий		
Юрий Долгорукий	Переяславль-Залесский Дмитров Юрий Польской			
Кирилл Туровский			Минск Туров	

Когда и зачем стали ставить памятники персонажам Древней Руси?

Садко	Великий Новгород			
Даниил Галицкий		Львов Галич Тернополь Владимир-Вольнский		
Александр Невский	Санкт-Петербург Порхов Псков Курск Старый Оскол Переяславль-Залесский Великий Новгород Петрозаводск Волгоград Александров Павлодар Кобылье Городище, Псковская область и др.	Харьков	Витебск	
Памятник Невской битве	Усть-Ижора Ленинградская область (3)			
Памятник Ледовому побоищу	Псков, гора Соколиха Кобылье Городище. Псковская область			
князь Игорь Черниговский	Перedelкино Московской области			
Петр и Феврония	Скульптурные композиции «Святые благоверные Петр и Феврония Муромские» устанавливаются в городах Российской Федерации с 2009 года в рамках общенациональной программы «В кругу семьи». Установлены более чем в 60 городах			
Довмонт	Псков, проект			
Миндовг			Новогрудок	Вильнюс

Владимир Василькович			Каменец Брест Кобрин	
Даниил Александрович Московский	Москва			
Гедимин				Вильнюс
Михаил Тверской	Тверь			
Купец Иван Никитин	Тверь			
Иван Калита	Щелковский район Московской области			
Битва на р. Воже 1378 г.	с. Глебово- Городище Рязанской области			
Сергий Радонежский	Радонеж Белгород Сергиев Посад Симферополь Нижний Новгород			
Ефросиния Старицкая	Старица			
Александр Пересвет	Брянск			
Куликовская битва	Аллея Славы на Куликовом поле			
Дмитрий Донской	Тула Прохоровка, Курская область Куликово поле, Тульская область Москва Коломна Дзержинский, Московская область			
Митрополит Алексий	Москва			
Олег Рязанский	Рязань			
Андрей Рублев	Владимир			
Ольгерд			Витебск	
Андрей Ольгердович			Полоцк	
Витовт			Брест Гродно	Тракай Каунас, Кернава,

Когда и зачем стали ставить памятники персонажам Древней Руси?

				Вильнюс, Бирштонас, Бятигала, Пярлой, Вялюон, более 50 памятников в Литве
Макарий Калязинский	Калязин			
Памятники присоединению Новгорода в 1471 г.	Коростынь, Новгородская область Место Шелонской битвы, Новгородская область			
Памятник Стоянию на Угре 1480 г.	Калуга			
Иван III	Москва Нарьян-Мар Проект памятника, возможное место – Калуга или Москва			
Ведрошская битва 1500 г.	Дорогобуж			
Оршинская битва 1514 г.			Орша	
Константин Острожский, победитель России в Оршинской битве		Киев	Брест Орша	
София Слуцкая			Слуцк	
Максим Грек	Тверь			
памятник «Баркулабаўскі летапіс»			Быхов	
Иван Грозный	Москва г. Камск Красноярского края			
печатник Петр Мстиславец			Мстиславль (2)	
Франциск Скоруина	Калининград		Минск, Полоцк, Речица, Лида	

Памятник битвы на Судьбищах 1555 г.	Тульская область			
Митрополит Филипп Колычев	Переделкино Московской обл.			
Памятник битвы на Молодях 1572 г.	Чеховский район Московской области			
Михаил Воротынский	Пос. Воротынец Нижегородской обл.			
Федор Иванович	Йошкар Ола			
Стефан Баторий			Проект памятника в Гродно	
Ермак ¹⁸	с. Усть-Шиш Омской обл. Иркутск Сургут Змеигорск Чусовой Новосибирск Томск			
Семен Сабуров, воевода, основатель города	Воронеж			
Зодчий Федор Конь	Смоленск			

Данный феномен нуждается в объяснении. Явление установки на постсоветском пространстве в массовом масштабе памятников средневековью (а приведенный перечень можно расширить) слишком масштабно, чтобы списать его только на дань моде или инициативы местных властей, увековечивающих основателей городов. Очевидно, что в 1990-2000-е гг. произошла своего рода «мобилизация средневековья», оно было востребовано новыми государствами Восточной Европы в гораздо большей степени, чем новое и даже новейшее время.

Думается, что это можно объяснить следующими причинами. Гибель СССР и рост национализма на постсоветском пространстве поставили вопрос о происхождении новых государств. И период СССР, и период Российской империи в качестве прародителей молодых республик не подходили, поскольку изображались преимущественно в негативном, антиимперском ключе (хотя своим

¹⁸ Обзор памятников и памятных знаков, посвященных Ермаку, см.: Агапов М. П. Аватары Ермака: монументальные формы репрезентации и актуализации исторической памяти // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 142-150.

Когда и зачем стали ставить памятники персонажам Древней Руси?

возникновением современные Украина и Белоруссия в наибольшей степени обязаны именно Украинской и Белорусской ССР). Соответственно, оставалось средневековье, из которого выводились исторические корни.

Поскольку конфигурация средневековых государств не соответствует современным, то у стран получалось «общее прошлое». Началась борьба за его «приватизацию», фиксацию исключительно за своей страной, что проявилось в том числе и в «войне памятников» (напр., недавняя критика на Украине установки в Москве памятника князю Владимиру). Особенно рельефно это видно в противостоянии Белоруссии и Литвы, которые делят историческое наследство Великого княжества Литовского. Большая полемика была вокруг установки в Новогородке памятника Миндовгу (это воспринималось как противопоставление Вильнюсу, где тоже установили памятник).

Консолидации общества в республиках на антироссийской основе служит установка памятников «победителям России». В Киеве с помощью посольства Литвы установили памятник герою Оршинской битвы 1514 г. Константину Острожскому. В Гродно намереваются поставить памятник победителю в Ливонской войне Стефану Баторию (1576-1586). Вместе с тем, до недавнего времени власти Белоруссии не поощряли на официальном уровне мемориализацию поля Оршинской битвы 1514 г., что приводило к странному феномену «спрятанного памятника»: мемориальные знаки сегодня скрыты в труднодоступном овраге, чтобы до них не могла добраться и снести милицейская техника (несколько предыдущих памятных знаков были повреждены или уничтожены белорусскими властями). На примере противостояния вокруг памятников Оршинской битве мы видим борьбу белорусского государства против сторонников национальных движений.

Данные примеры говорят о том, что памятники героям средневековья ставятся не сколько исходя из оценок их действительной роли в истории, столько из востребованности тех или иных сюжетов современностью. При этом обращение к древности придает весомости современным идеям, легитимности на обладание современной территорией, обосновывает место нации в истории.

Кроме того, важно, что средневековье является своего рода «полем консенсуса» внутри нации. Сегодня в России ожесточенно спорят, возможна ли мемориальная доска Колчаку или Маннергейму, но фигуры древнерусских князей никаких дискуссий не вызывают. Единственной фигурой «не-консенсуса» здесь является Иван Грозный, что и проявилось в установке в 2016 г. ему альтернативных памятников: «парадного» в Орле и «постмодернистского» в Краснодаре. Художник Владислав Гулятьев поставил в г. Камске Красноярского края памятник царю Ивану в виде окровавленного кола. Автор заявил, что «...этот кол как бы намекает каждому, что времена, когда убивали просто так и ради удовольствия, не так далеки...». Соглашаясь с установкой памятников царю Ивану Грозному, «мы молчаливо одобряем репрессии, пытки и казни». «Народ, который не выносит из своей истории полезных уроков, вынужден повторять ошибки снова и снова, ужасно, когда такие ошибки омыты реками крови»¹⁹.

Третьей особенностью обращения к средневековью является его романтизация и «сказочный» характер. Это памятники князьям в виде витязей и былинных богатырей, идеалам женской красоты и верности и мудрым сказителям

¹⁹ <https://lenta.ru/news/2016/10/24/nakol/>

и строителям. Памятники служат украшением городов, подчеркиванием их культурной значимости.

Четвертый аспект – сегодня все более важно становится локальная идентичность, «местный патриотизм», поиск своих корней и культурных ориентиров местными элитами. Недаром столь распространились многочисленные местные юбилеи (порой дутые), почитание «основателей городов» и «знаменитых земляков». Отдельно следует отнестись к установке для возвеличивания своего города памятников знаковым персонажам (например, Александру Невскому). То есть средневековые удобно и красиво, чтобы «прятать» туда современную идеологию и культурные запросы, и вместе с тем придает им более легитимный и обоснованный характер.

Вместе с тем, из таблицы видно, что на пространстве Восточной Европы сегодня разворачиваются несколько моделей «мобилизации средневековья». Для Украины эта тема важна для подчеркивания древности исторических корней украинской нации. Отсюда она присваивает исключительно себе всех ранних князей-рюриковичей (без Рюрика, поскольку он связан с русским Северо-Западом), отрицая их древнерусскость и называя только «украинскими». Однако, как только знаковые фигуры начальной общерусской истории заканчиваются, Украина сразу же теряет к ним интерес, исключая локальную память. Следующий пласт памятников на Украине относится к героям ее истории, начиная с XVII в.

Белоруссия, с одной стороны, хочет сохранить для себя древнерусский период, с другой – стремится, чтобы он отличался от русского / российского. Отсюда – во-первых, культ локальных правителей (борисовский, заславских, полоцких князей и др.), с другой – явная ориентация на правителей Великого княжества Литовского, в котором видят предшественника современной Белоруссии (как известно, герб ВКЛ «Погоня» одно время был гербом современной Беларуси). Для сравнения мы специально поместили в таблицу современные памятники Литвы. Литовцы ставят памятники только нескольким ключевым фигурам средневековых правителей, но на локальном уровне у них гораздо популярнее памятники деятелям культуры и борьбы за литовское национальное возрождение в XIX–XX вв. Для них средневековые (в силу бесспорно «литовской» принадлежности ВКЛ) является менее важным, чем для ищущих свою древнюю идентичность белорусов.

Отдельно надо остановиться на российских памятниках. Сегодня модно говорить о слабости или «отсутствии» концепта русской нации, об отсутствии у русских опыта национального государства и исключительно имперских скрепах их в сообщество «россиян». Ситуация с монументальной пропагандой демонстрирует, что происходящие процессы носят гораздо более сложный и многогранный характер. Памятники героям Древней Руси выступают маркером «русского пространства», русской территории. Для этого возводят монументы создателям славянской азбуки Кириллу и Мефодию в таких, казалось бы, не связанных с ними местах, как Мурманск, Ханты-Мансийск, Кронштадт, Сыктывкар и т.д. В 2016 г. партия «Единая Россия» выдвинула проект установления к 2021 г. по периметру границ России в местах боевой славы целой цепи памятников Александру Невскому²⁰.

²⁰ https://www.gazeta.ru/social/news/2016/11/13/n_9328265.shtml

Когда и зачем стали ставить памятники персонажам Древней Руси?

Примечателен проект установки во Владивостоке памятника Илье Муромцу в виде гигантской статуи на... острове. Он должен был встречать корабли, подходящие к Владивостоку (прямо наш вариант статуи Свободы). Правда, в итоге памятник поставили в Адмиральском сквере. Пресс-служба Администрации Владивостока так объясняла, почему памятник именно Илье Муромцу: «...богатырь является наглядной иллюстрацией к словам Владимира Ильича Ленина: «Владивосток далеко, но город-то нашенский»... русский дух в нем должен жить! А что может быть лучшим воплощением национальной силы, как не былинный силач»²¹.

Интенсивность, с которой местными властями и общественностью в последние два десятилетия ставятся памятники героям древней и средневековой русской истории, говорит о том, что социологами и политологами сегодня недооцениваются процессы нацистроительства, которые идут в глубине общества. Причем именно русского нацистроительства. Высокая степень «мобилизации русского средневековья» в современной России – индикатор данного процессов.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке
Российского научного фонда, проект № 16-18-10080.*

Источники и литература

1. *Агапов М. П.* Аватары Ермака: монументальные формы репрезентации и актуализации исторической памяти // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 142-150.
2. *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864. Ч. 1.
3. *Волков М. М.* Система объектов монументальной пропаганды в структуре исторического города. Дис. ... кандидата архитектуры. М., 1985.
4. *Высочков Л. В.* Монументальная пропаганда при императоре Николае I // Мавродинские Чтения. СПб., 2002. С. 162-167.
5. *Гавриш, архим.* Историческое описание памятника, сооруженного в воспоминание убиенных при взятии Казани воинов на Зилантовой горе с рисунками. Казань, 1833.
6. Декреты Советской власти. Том II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1959.
7. Историческое описание монумента, воздвигнутого гражданину Минину и князю Пожарскому в столичном городе Москве. СПб., 1818.
8. *Коровин В. В., Золотухин А. Ю.* Об особенностях монументальной пропаганды военной истории России в XV – первой трети XX в. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 1-2. С. 193-198.
9. *Лаврентьев А. В.* Московское "столпотворение" конца XVII века // Архив русской истории, Вып. 2. 1992. С. 131-143.

²¹ http://zrpress.ru/culture/vladivostok_25.05.2012_53612_zachem-vladivostoku-pamjatnik-ilje-muromtsu.html

10. Левин Н. Ф. В память о героической обороне // Псков – город воинской славы: статьи и документы. Псков: Псковская областная типография, 2010. С. 231–298.
11. Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления / Сост., предисл. и примеч. Н. А. Трифонова. М., 1968.
12. Митрофанов А. Прогулки по старой Москве. Тверская. М., 2006.
13. Мягченкова А.В. Образ Степана Разина как культурный символ монументальной пропаганды Советского государства // Вестник гуманитарного научного образования. 2013. № 4 (30). С. 26-29.
14. Смирнов В. Г. Россия в бронзе: Памятник Тысячелетию России и его герои. Новгород, 1993.
15. Шалаева Л. В. План советской монументальной пропаганды: проблемы реализации. 1918-1921 гг. // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2014. № 8 (337). С. 30-35.